

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В современной историографии накопилось немало проблем, требующих пересмотра: например, оценка исторической роли пролетариата и крестьянства, проблемы истории российских революций, упущенных альтернатив общественного развития. Наконец, на обсуждение исторического сообщества должны быть вынесены вопросы о становлении гражданского общества и судьбах российской демократии, а также о путях решения национального вопроса в многонациональном государстве.

Ключевые слова: историография отечественной истории, гражданское общество, национальное строительство.

В новейшей историографии накопилось немало проблем, требующих пересмотра, а также вопросов, освещавшихся прежде с узкопартийных позиций. Ранее считалось, что большевистская партийность, как отвечающая интересам самого передового в мире класса — пролетариата, есть высшее выражение научной объективности. Однако в настоящее время нет ни самого пролетариата, нет и партии, претендующей якобы от его имени на абсолютную истину. Поэтому требуется переоценка концептуальных положений марксизма. Предстоит его критически осмыслить, не отбросив его целиком и предав его создателей анафеме, а оставив в нем все ценное, унаследованное от предшествовавших ему учений и получивших в нем своеобразное развитие; не отказываясь при этом от нашей истории, не стыдясь ее, а оставаясь в ее освещении и преподавании правдивыми и справедливыми. Так, как относился к истине П.Я. Чаадаев. Так, как отстаивал правду истории выдающийся общественный деятель и мыслитель Ризатдин Фахретдинов. Он писал, что у состоявшейся истории нет ни врагов, ни друзей, и что она на всех смотрит одинаковыми глазами. И мы должны изучать и преподавать историю такой, какой она состоялась, независимо от того, нравится она нам или нет.

В советской историографии, в том числе и в учебниках по истории, соотношение классов и их взаимоотношения освещались в соответствии с марксистско-ленинским учением. Основное внимание в работах историков уделялось рабочему классу как гегемону, как наиболее сознательной части общества, призванного вести за собой все остальные социальные слои. Крестьянство фигурировало на страницах учебников в качестве мелкобуржуазной массы, колеблющегося и ненадежного союзника рабочего класса. Оно изображалось как класс, не способный на самостоятельные действия. Даже поражения крестьянских восстаний под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева объяснялись тем, что тогда не было пролетариата, который один был в состоянии возглавить свержение эксплуататорского режима, естественно, под руководством своей партии.

Проблемы изучения истории российских революций также нуждаются в существенной корректировке. Сегодня многие политики, а за ними и историки пытаются

* © Тагиров И.Р., 2010

Тагиров Индус Ризакович (public.mail@ksu.ru), заслуженный деятель науки РФ и РТ, действительный член (академик) АН РТ, заведующий кафедрой отечественной истории Казанского государственного университета, 420008, Россия, г. Казань ул. Кремлевская, 18.

избегать упоминания о них. Однако бояться следует не свершившихся революций, а тех, которые могут нагрянуть. Революции сегодня нужно изучать с тем, чтобы не допускать их распространения в будущем. При такой постановке вопроса необходимо уделять больше внимания несостоявшимся вариантам исторического развития, упущенным шансам и возможностям, ибо именно в них может заключаться главный урок истории.

Так, до сих пор в историографии нет научно обоснованного ответа на вопрос: могла ли Россия ограничиться лишь революцией 1905–1907 гг., не дав разгореться революционному пожару в 1917 году? Ленин говорил, что она стала генеральной репетицией революции 1917 года. Может быть, она и стала таковой для революционеров. Однако возникает вопрос: почему она не стала такой же репетицией и для верховной власти – с тем, чтобы не допустить каких-либо потрясений в будущем? Имелся ли в распоряжении власти потенциал для недопущения к власти Ленина и большевиков? Можно ли говорить о каких-либо упущенных шансах? Или же поражение самодержавия, а затем и Февральской революции было фатально неизбежным? Это только вопросы. Однако аргументированных ответов на них пока что нет.

Одним из важнейших частей марксизма-ленинизма является учение о классах и классовой борьбе. В нем главное внимание уделялось пролетариату. В России, в отличие от Европы, где был сформированный класс пролетариев, как выразился Г.В. Плеханов, не было чистого пролетария, вываренного в фабричном котле. Но ведь крестьянство ни в коей мере не являлось реакционной силой. Оно выступало лишь против несправедливостей, за свободу и политическое равноправие с другими слоями населения. Более того, увлекало за собой другие слои населения, в том числе и пролетарские массы. Ленин как человек, умеющий читать знамения времени, понял, что к крестьянству нужен иной подход и что, опираясь на него, можно обеспечить развитие страны. С этим было связано введение им новой экономической политики. Однако, как только сам вождь ушел из жизни, новая экономическая политика оказалась свернутой.

Сталинское руководство категорически отвергло идею новой экономической политики. С корнем выкорчевало все, что было связано с ней. Между тем нынешний Китай, реализуя в новых условиях принципы этой политики, развивается семимильными темпами. Вьетнам также постепенно становится на этот путь и также добивается немалых успехов. А для нас это была упущенная возможность. В последовавшие после смерти Ленина годы крестьянство подверглось непомерным грабегам, а затем раскулачиванию. В результате насильственной коллективизации оно оказалось почти в крепостном состоянии и подверглось невыносимому налоговому бремени. Оно ущемлялось в правах, подвергалось дискриминации и всевозможным унижениям.

Документы и материалы, свидетельствующие о непрерывном сопротивлении крестьянства политике Советского государства, известны лишь частично. К тому же в историографии отмечалось, что крестьянские восстания были характерны в основном для европейских районов страны. Сибирское же крестьянство как более зажиточное в меньшей степени было склонно к восстаниям. Читинский историк Г.А. Жеребцов недавно опубликовал книгу «Крестьянские восстания в Забайкалье» [1], материалы которой коренным образом меняют наши старые представления об этом. Автор книги раскрывает трагические страницы истории сибирского крестьянства в период с 1918 по 1932 годы. Он анализирует причины десятков крупных крестьянских выступлений, участники которых требовали устранения коммунистической власти и учреждения демократической республики. Видимо, в годы коллективизации не отдельные районы, а страна в целом была охвачена цепью крестьянских восстаний. Историки обязаны вводить в научный оборот документы и материалы, свидетельствующие об

этом, сделать их достоянием общественности, что, в свою очередь, должно расширить источниковую базу для создания научных исследований по трагической истории крестьянства периода коллективизации.

В этом отношении надо поддержать инициативу издательства РОССПЭН — издательства политической энциклопедии, которое уже выпустило несколько сборников по крестьянскому движению первых годов Советской власти. Особенно широкий резонанс получил сборник по Тамбовскому восстанию, которое в советской историографии освещалось как выступление темных слоев сельского населения, возглавленное кулаками и другими врагами Советской власти. Нужно поддержать инициативу этого издательства по созданию общероссийского проекта издания нескольких томов документов и материалов, которые показали бы истинные причины крестьянских восстаний в годы Советской власти. Необходимо также полномасштабное издание документов по осуществлению коллективизации и раскулачиванию деревни. Издававшиеся до сих пор документы и материалы по понятным причинам были выборочными и потому односторонними. Остаются вовсе не изученными настроения сельского населения в последующие годы, в том числе и в период Великой Отечественной войны. Не освещен в достаточной мере вклад крестьянства в экономическое развитие страны и в победу над фашистской Германией.

Одновременно с публикацией источников по истории крестьянства нужно создавать труды, раскрывающие подлинную роль крестьянства в истории страны, в том числе и в войнах, и революциях. И самое главное: крестьянство подлежит общественной реабилитации. Я подчеркиваю: не государственной, а общественной реабилитации. Государство само совершило преступления перед крестьянством. Поэтому задача состоит не в том, чтобы обелить его перед государством, а в том, чтобы через наши публикации и исследования общественность страны смогла бы воспринять светлый, благородный и в то же время непокорный дух крестьянства.

Одним из вопросов, выдвинутых на обсуждение российской общественности, является вопрос о становлении гражданского общества и его связи с судьбой российской демократии. И это не случайно. Ибо в советский период истории считалось, что существовавший тогда в стране режим есть не что иное, как высшая форма демократии. Между тем известно, что без гражданского общества не может быть демократии. А демократия, в свою очередь, может развиваться только при наличии гражданского общества. В СССР же такого общества, независимого от властей и контролирующего действия самих властей, не было. Наоборот, власть контролировала общество и довлела над ним. Ситуация начала меняться после утраты Коммунистической партией руководящей роли в обществе и распада СССР. Привело ли это к созданию гражданского общества в стране, и в каком состоянии находится российская демократия?

В начале двадцатого века Россия существенным образом продвинулась в сторону демократии, когда появились зачатки гражданского общества. Возникли политические партии, различные общественные организации, стали издаваться независимые от власти газеты и журналы. В 1905—1907 гг. власть была вынуждена сделать существенные шаги навстречу нарождающейся демократии. Была учреждена Государственная Дума. Все это было свидетельством появления зачатков политических свобод, открывших путь к становлению гражданского общества. А после Февральской революции Россия превратилась в одну из самых демократических стран. Однако этот процесс был прерван Октябрьской революцией. В результате ее были стерты с лица земли все политические партии, кроме большевистской, закрыты все небольшевистские газеты, начались гонения на инакомыслящих. Нормой жизни стали непрерывные репрессии.

Казалось, что, когда пал советский режим, Россия, как и в 1917 году, превращается в одну из самых демократических стран планеты. Появление всевозможных политических партий и объединений, независимых от властей средств массовой информации и многое другое создавали определенные надежды на то, что процесс демократизации необратим. Однако с начала нового века стала создаваться угроза исчезновения зачатков демократии, элементов гражданского общества.

Вот почему, прежде чем говорить о суверенности российской демократии, необходимо создать гарантии ее сохранения и укрепления. Задачей историков при этом является инвентаризация демократических начал во всей нашей многовековой истории, ибо историческая память, память крови во все времена накладывали свой отпечаток на ход истории. Свободолюбие, стремление к переустройству жизни общества на справедливых началах находило отражение во всевозможных выступлениях против существовавших режимов и, особенно, в крестьянских восстаниях. Это являлось результатом пробуждения наиболее архаических черт национального характера, погруженных в дрему рабской жизни и потому находившихся как бы в спящем состоянии.

Архаические черты национального характера представляют собой его первичные и наиболее глубинные основы. В этих архаических чертах присутствуют и Запад, и Восток, словом вся история взаимоотношений между Западом и Востоком. Прав был Н.А. Бердяев, писавший, что Московская Россия имела очень высокую пластическую культуру, что это была культура восточная, «культура христианизированного татарского царства», и что она вырабатывалась в постоянном противлении латинскому Западу и иноземным обычаям» [2, с. 7–8].

Разумеется, процессы складывания переплетенной «пластической культуры» происходили непросто. Запад и Восток в пределах современной России не только мирно сожительствовавали, но и воевали. При этом нельзя забывать, что Россия сформировалась на территории Золотой Орды. Не случайно некоторые российские авторы этот процесс называют простым переносом столицы государства из Сарая в Москву. А германский историк Андреас Каппелер процесс становления российской государственности называет собиранием земель Золотой Орды. Разумеется, все это происходило не так уж просто. В историографии прочно утвердилась традиция, по которой самодержавная власть на Руси также возникла по образу и подобию ханской власти. Однако ханская власть не была самодержавной. Тот же Каппелер писал, что она «на самом деле существенно ограничивалась» татарской аристократией [3, с. 26]. Ханов выбирали представители этой аристократии. Они же меняли их и даже убивали.

Между тем на Руси сложилась иная ситуация. Хотя там и не было степной демократии, знать в Новгороде и Пскове также решала вопрос о том, кого призвать на княжение. В Москве до Ивана IV существовала боярская Дума, существенно ограничивавшая власть монарха. И только с Ивана IV начинается эпоха самодержавия. Именно эта эпоха, продолжавшаяся до начала XX века, успешно прививала в национальный менталитет черты рабства и покорности. Разумеется, в этом прослеживается влияние традиционного общества, в том числе и степных империй.

В российском национальном характере причудливо сочетаются бунтарские склонности, свободолюбие и психология раба. В свое время Н.Г. Чернышевский с горечью писал о России как об обществе рабов, где сверху донизу все рабы, А.П. Чехов призывал выдавливать из себя рабские черты. Такая постановка вопроса актуальна и сегодня, ибо без человека-гражданина, свободного, не подверженного коррозии рабской покорности, не может состояться и гражданское общество.

Одной из составных частей демократического обустройства России является межнациональная жизнь. СССР распался в немалой мере в силу неспособности его руководства обустроить эту жизнь. Между тем реальный шанс для сохранения СССР

был. Но он оказался упущенным в силу того, что люди, отвечающие за судьбы страны, оказались не в состоянии оценить сложившуюся ситуацию и проявить необходимую политическую волю. Нельзя было не видеть, что в СССР нет подлинного федерализма, что республики теряли свою самостоятельность, исчезали национальная культура, национальные языки. «Если бы республиканские законодательные органы имели те же полномочия, что и законодательные органы штатов, — говорил эстонский профессор Ю. Боярс накануне распада СССР, — наши федеративные отношения были бы в лучшем положении» [4, с. 74–75]. Недалек был от истины американский профессор Винсент Остром, когда писал, что, «несмотря на употребление таких слов как “союз”, “Совет”, “республика”, Советский Союз не являлся ни союзом, ни республикой» [5, с. 24]. А ведь друзья СССР, такие как лидер итальянских коммунистов Луиджа Лонге, предупреждали, что с каждым шагом исторического развития национальный фактор будет возрастать. Между тем на Старой площади в Москве, где располагался ЦК КПСС, не привыкли к тому, чтобы кто-то их поучал. Наоборот, считалось, что все указания должны исходить от советского партийного руководства.

Можем ли мы сегодня говорить, что республики обладают реальными государственными полномочиями? Отличаются ли республики от других административно-территориальных единиц? На оба эти вопроса можно дать лишь отрицательный ответ. У нас очень часто ссылаются на ст. 5 Конституции, где написано, что «во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти все субъекты Российской Федерации равноправны». Однако ведь, кроме взаимоотношений с федеральными органами власти, есть и другие области жизни. Например, вопросы национальной культуры и образования, внешних связей и т.д. Поскольку большинство административных единиц мононациональны, им не нужны какие-либо права в этой области. А республикам для их реализации нужны дополнительные полномочия. Этот перечень можно было бы продолжить. В этой связи уместно напомнить, что до принятия Конституции 1936 года шесть наркоматов, обеспечивающие внутреннюю жизнь республик, были автономны и не подчинялись соответствующих наркоматам Федерации. Часть этого апробированного опыта можно было бы использовать и сегодня, и особенно в ходе возобновления договора между Центром и республикой.

Однако я хочу остановиться на принципиальной постановке вопроса. Могут ли во всем остальном быть равноправными республики и административные единицы? Видимо, да. С учетом лишь того, что в Конституции написано, что республики — это государства. Республика же, как государство, функционирует на собственной правовой базе. Поскольку договорный принцип составляет основу федеративного государства, она на основе договора с Федеральным центром может передать часть своих государственных полномочий федеральной власти. Области же и края функционируют на основе переданных им полномочий федеральной властью. В реальной жизни права республик и областей мало чем отличаются друг от друга. Разница лишь в том, что у республик нельзя изъять их права, а края и области по тем или иным причинам могут быть лишены их. Нельзя не согласиться с Сурковым в том, что россияне являются государствообразующим народом. В том числе и татары, и якуты, и чуваша и др. И это, как мне представляется, должны символизировать их республики.

Национальный вопрос в многонациональной России требует особого внимания и деликатного подхода. К сожалению, мы видим, как обостряются межнациональные отношения в ряде регионов, а местные власти бездействуют. Чувствуется, что в этом отношении нет должного порядка. Нам нужна по-настоящему научная концепция национальной политики; необходима кропотливая работа, чтобы появился закон, ра-

ботающий во благо всех народов страны и способствующий укреплению демократических основ Российской Федерации.

Разумеется, что всем этим не ограничивается круг проблем, представляющих актуальность. Их немало, и не только в отечественной историографии, но и в исторической науке в целом. В данном изложении автор намеренно ограничил их круг, надеясь на то, что такая работа будет поддержана коллегами-историками.

Библиографический список

1. Жеребцов Г.А. Крестьянские восстания в Забайкалье (Конец двадцатых – начало тридцатых годов двадцатого столетия). Чита: Ред.-издат. комплекс пресс-центра Судеб. деп. в Читин. обл., 2005. 306 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное издание. М.: Наука, 1990. 224 с.
3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад / пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
4. Коммунист. 1989. № 6.
5. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / пер. с англ. А.В. Облонского. М.: Арена, 1993. 320 с.

*I.R. Tagirov**

ON SOME ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORY

There is a set of problems in contemporary historiography which demand essential rethinking: for example, the vision of a historical role of proletariat and peasantry, the questions of the history of two Russian revolutions, of the alternative ways of the social evolution. The urgent problems of the formation of civil society and democracy in Russia, of the national building in the multinational state also need to be widely discussed by the historical community.

Key words: historiography of Russian history, formation of civil society, national building.

* *Tagirov Indus Rizakovich* (public.mail@ksu.ru), the Dept. of Domestic History, Kazan State University, Kazan, 420008, Russia.